

«Мне известно, что мне ничего не известно». Социально-когнитивные предпосылки поддержки радикальных взглядов

Хухлаев О.Е.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4620-9534>, e-mail: huhlaevoe@mgppu.ru

Павлова О.С.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9702-1550>, e-mail: pavlovaos@mgppu.ru

Цель. Анализ связи между потерей личной значимости, интеллектуальной скромностью, потребностью в когнитивной завершенности и поддержкой радикальных взглядов.

Контекст и актуальность. Психологические исследования процесса радикализации вносят существенный вклад в объяснение данного негативного социально-политического явления. Один из вопросов связан с изучением того, как потребность в когнитивной завершенности связана с идеологическим экстремизмом.

Дизайн исследования. Исследование носило корреляционный характер. Наличие и характер взаимосвязи проверялись с помощью путевого анализа, выполненного в программе AMOS 23.

Участники. 365 жителей России (78,5% женщин), возраст от 20 до 66 лет ($M=42.11$; $SD=11,62$). Большая часть выборки имеет высшее образование (94,1%), остальные – среднее или среднее специальное. 41,8% респондентов отнесли себя к христианам, 17,8% – к агностикам, 11,7% – к атеистам, 10,1% – к мусульманам, оставшиеся – к иным вероисповеданиям или предпочли пропустить данный пункт анкеты.

Методы (инструменты). Были использованы: а) краткая шкала измерения потребности в когнитивной завершенности Д. Веббера и А. Круглански; б) шкала интеллектуальной скромности М. Лири и др.; в) шкала потери личной значимости; г) опросник оценки поддержки радикального насилия.

Результаты. Позитивная связь потери личной значимости и поддержки радикальных взглядов опосредована потребностью в когнитивной завершенности. Негативная связь интеллектуальной скромности и поддержки радикальных взглядов так же опосредована потребностью в когнитивной завершенности.

Основные выводы. Исследование демонстрирует значимость так называемой «когнитивной уязвимости» для поддержки экстремистской идеологии, которая исключительно важна для понимания личностных аспектов как радикализации, так и дерадикализации.

Ключевые слова: радикализация, экстремизм, потребность в когнитивной завершенности, интеллектуальная скромность, когнитивная ригидность.

Для цитаты: Хухлаев О.Е., Павлова О.С. «Мне известно, что мне ничего не известно». Социально-когнитивные предпосылки поддержки радикальных взглядов // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 3. С. 87–102. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120307>

“I Know that I don’t Know Anything”. Socio-Cognitive Antecedents of the Radicalization

Oleg E. Khukhlaev

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4620-9534>, e-mail: huhlaevoe@mgppu.ru

Olga S. Pavlova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9702-1550>, e-mail: pavlovaos@mgppu.ru

Objective. *Analysis of the relationship between loss of personal significance, intellectual humility, the need for cognitive closure, and support for radicalisation.*

Background. *Psychological studies of the process of radicalization make a significant contribution to the explanation of this negative socio-political phenomenon. One of the questions from these studies is how cognitive rigidity is related to ideological extremism.*

Study design. *The study examined the relationship between loss of personal significance, intellectual humility, and support for radical views mediated by the need for cognitive closure. The presence and nature of the relationship were checked using a path analysis performed in the AMOS 23 program.*

Participants. *365 residents from Russia (78.5% women), age from 20 to 66 years ($M=42.11$; $SD=11.62$). The majority of the sample has a higher education (94.1%), the rest have secondary or specialized secondary education. 41.8% of the respondents identified themselves as Christians, 17.8% as Agnostics, 11.7% as atheists, 10.1% as Muslims, the rest-as other faiths or chose to skip this item of the questionnaire.*

Measurements. *Russian-language versions of the short scale of scales of the need for cognitive closure by D. Webber and A. Kruglansky; the scale of intellectual humility by M. Leary et al. and the scale of loss of personal significance. A questionnaire for assessing support for radical violence.*

Results. *The direct effect of loss of personal importance on the support of radical views is mediated by the need for cognitive closure. The reverse effect of intellectual humility on the support of radical views is mediated by the need for cognitive completeness.*

Conclusions. *The study demonstrates the significance of the “cognitive vulnerability” of supporting extremist ideology, which is extremely important for understanding the personal aspects of both radicalization and deradicalization.*

Keywords: *radicalization, extremism, need for cognitive closure, intellectual humility, cognitive rigidity.*

For citation: Khukhlaev O.E., Pavlova O.S. “I Know that I don’t Know Anything”. Socio-Cognitive Antecedents of the Radicalization. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 3, pp. 87–102. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120307> (In Russ.).

Введение

«Мне известно, что мне ничего не известно! Вот последняя правда, открытая мной» — так звучат, наверное, самые известные строки персидского поэта О. Хайяма. Они говорят о том, что понимание ограниченности познания явля-

ется важной составляющей адекватного мировосприятия.

Современная психология, интегрируя многообразие философских традиций и результаты многочисленных эмпирических исследований, обозначает признание неопределенности и ограниченности своих познаний как познавательную

(или интеллектуальную) скромность (epistemic/intellectual humility) [5]. С одной стороны, она является составной частью мудрости и повышает позитивное восприятие аутгруппы, а также снижает поляризацию установок в конфликте [5]. С другой стороны, отсутствие интеллектуальной скромности рассматривается как одно из проявлений когнитивной ригидности [39], которая, в свою очередь, является предиктором ряда негативных социально-политических последствий [16]. Кроме интеллектуальной скромности в современной политической психологии хорошо изучено другое проявление когнитивной ригидности — потребность в когнитивной завершенности: предпочтение порядка и предсказуемости в сочетании с «закрытостью» мышления и дискомфортом в ситуации неопределенности [30; 31]. Несмотря на взаимосвязь потребности в когнитивной завершенности и интеллектуальной скромности, они представляют собой разные аспекты когнитивной ригидности, при этом вопрос их взаимосвязи не является однозначно проясненным.

Л. Змигорд выделяет два подхода к пониманию роли когнитивной ригидности в политической психологии [40]. Первый отражает представление о том, что когнитивная ригидность свойственна людям, придерживающимся «правых» политических взглядов (rigidity-of-the-right hypothesis). Другой подход связан с представлением о том, что когнитивная ригидность связана с идеологическим экстремизмом (rigidity-of-the-extreme hypothesis) вне зависимости от идеологических ориентаций (правых или левых). В свою очередь, идеологический экстремизм является значимой составляющей процесса радикализации — вхождения индивида в радикальные, экстремистские группы [36].

Существуют исследования [41], демонстрирующие, что когнитивная ригидность, измеряемая в «чистом» виде (без мотивационной составляющей, объективными когнитивными тестами), связана с такими проявлениями идеологического экстремизма, как желание убивать и умереть за свою группу, а также «слияние идентичности» с ингрупой (identity fusion, прямой предиктор радикализации) [10]. В рамках модели радикализации Д. Веббера и А. Круглански был изучен вклад потребности в когнитивной завершенности в поддержку радикальных взглядов [35]. Связь интеллектуальной скромности и радикализации ранее не изучалась.

Таким образом, настоящее исследование было направлено на изучение вклада «мотивационно-когнитивных» (motivated social cognition [16]) аспектов ригидности в поддержку радикальных взглядов. В предыдущих исследованиях данный вопрос был изучен с помощью одного измерения (потребности в когнитивной завершенности) [35]. Задачи нашего исследования состояли, во-первых, в репликации предыдущих результатов на российской выборке и, во-вторых, в расширении социально-когнитивных измерений за счет ранее не изученного параметра — интеллектуальной скромности.

Модель радикализации Д. Веббера и А. Круглански

Модель радикализации Д. Веббера и А. Круглански [35] включает в себя три составляющих, которые последовательно приводят человека к вхождению в радикальные группы: 1) потребности (needs) — индивидуальные потребности/мотивации, 2) идеологии (narratives) — идеологические нарративы культуры, в которую встроен индивид, и 3) сеть (network) — социальная сеть индивида.

Индивидуальные потребности, являющиеся «драйверами» радикализации, представляют собой широкий круг индивидуальных мотивов, за которыми стоит одна базовая мотивация: поиск значимости («quest for significance»). Он основывается на фундаментальной человеческой потребности — потребности быть «кем то», быть уважаемым в глазах других, обладать чувством собственного достоинства. Различные индивидуальные мотивы радикализации, выявленные в широком круге исследований (статус, месть, лояльность лидеру), можно рассматривать как формы реализации этой базовой потребности [37].

Мотивация поиска значимости не является постоянной доминантой, актуальной все время. Ее активируют такие триггеры, как: а) потеря значимости, б) угроза потери значимости и в) возможность повышения значимости. Потеря значимости заключается в переживаниях унижения, бесчестья, стыда, которые заставляют человека ощущать свою незначимость. Потеря значимости активирует жизненную цель человека — поиск значимости. При этом следует подчеркнуть, что радикальный способ обретения значимости — только один из многочисленных вариантов.

Вторая составляющая трехмерной модели радикализации — идеологии, определяющие, каким путем будет двигаться человек, мотивируемый на восстановление значимости [36]. Люди ограничены в выборе способов обретения значимости, а групповая идеология обозначает, какие из них являются социально одобряемыми. Например, чтобы заслужить значимость, человек может стараться получить образование, высокооплачиваемую работу и др. (в одной социокультурной среде). В другой среде можно обрести значимость в качестве террориста.

Необходимые элементы одобряющих воинствующий экстремизм идеологий — это: а) четкое обозначение происходящего с группой как несправедливости, б) идентификация виновников, за это ответственных (реальных или так называемых «козлов отпущения»), и в) оправдание насилия как подходящего ответа виновнику за несправедливые обиды [22]. Соответствующая идеология «должна одобрять насилие и причинение вреда другим людям — вещи, которые обычно воспринимаются как аморальные и снижающие значимость, — и превращать их в законные действия» [28, с. 40]. Именно поэтому во многих исследованиях радикализация измеряется не напрямую, как поддержка той или иной террористической организации, а как одобрение, оправдание межгруппового насилия, которое лежит в основе экстремистского мышления [33].

Третья составляющая описываемой модели радикализации — социальная модель индивида. Групповое насилие как морально оправданное действие возможно только при поддержке группы. При этом отчуждение от широкого социума (social alienation) дает хорошую возможность для вербовки в мини-группу экстремистской направленности [2].

Потеря значимости, потребность в когнитивной завершенности и радикализация

Как уже было отмечено, потеря значимости не обязательно ведет к радикализации, — она только является основой для этого. Существуют психологические механизмы, которые повышают привлекательность экстремизма и способствуют тому, что поиск значимости приводит к насилию [22]. Один

из них связан с переживанием неопределенности и последующей реакцией на нее индивида. События, переживаемые как потеря значимости, показывают несоответствие между желаемым образом «Я» и текущим состоянием. Следствием этого является повышение чувства неопределенности и тревоги. Переживание неопределенности и сопутствующей ей тревоги мотивирует поведение, направленное на уменьшение несоответствия между позитивным представлением о себе и унижительным опытом в реальности. Человек стремится как можно быстрее снизить двусмысленность самовосприятия и обрести уверенность. Это мотивационное состояние определяется как потребность в когнитивной завершенности [35].

Экстремистские идеологии «исключительно подходящи» для снижения неопределенности, так как четко делят мир на «добро» и «зло» и привлекательны для тех, кто ищет определенности [12]. Так называемое «черно-белое мышление», отражающееся в предельно однозначной категоризации «мы-они», делает нарративы экстремистских групп более ценными для людей с высокой потребностью в когнитивной завершенности [20; 21].

Таким образом, в ситуации, когда человек в целом имеет низкую терпимость неопределенности, предпочитает максимально четкую структуру и порядок, он оказывается подвержен риску радикализации. Вклад потребности в когнитивной завершенности в радикализацию показан в различных исследованиях. Так, чувство незначительности членов радикальных группировок положительно связано с экстремизмом, но при этом данная связь опосредована потребностью в когнитивной завершенности [35]. В другом исследовании демонстрация антиэкстремистских контрнарративов

людям с высокой потребностью в когнитивной завершенности приводила к обратным (по сравнению с желаемыми) результатам — росту поддержки экстремистской идеологии [3]. Таким образом, потребность в когнитивной завершенности обеспечивала большую устойчивость радикальных взглядов, их меньшую подверженность контрэкстремистской пропаганде. Также исследователями обнаружено, что потребность в когнитивной завершенности ведет к более экстремальной дифференциации между ингруппой и аутгруппой [9]. Это также объясняет механизм поддержки радикальных взглядов среди людей с высокой потребностью в когнитивной завершенности: радикальные идеологии всегда жестко дифференцируют ингруппу и аутгруппу [36], поэтому они должны лучше восприниматься людьми, потенциально готовыми к такому противопоставлению.

Таким образом, потеря личной значимости ведет к повышению потребности в когнитивной завершенности, которая, в свою очередь, стимулирует поддержку радикализации. Несмотря на наличие исследований, подтверждающих это положение [3; 35], они все еще немногочисленны и их выборки достаточно скромны. В восточно-европейском (в том числе российском) контексте данных исследований не проводилось. В силу этого мы посчитали необходимым реплицировать на российской выборке результаты изучения вклада потребности в когнитивной завершенности в связь потери значимости и радикализации [35]. В связи с этим была сформулирована первая гипотеза исследования.

Гипотеза 1. Позитивная связь потери личной значимости и поддержки радикальных взглядов будет опосредована потребностью в когнитивной завершенности.

Интеллектуальная скромность, потребность в когнитивной завершенности и радикализация

Интеллектуальная скромность включает признание того, что конкретное личное убеждение может быть ошибочным, при этом человек внимателен к ограничениям в доказательной основе этого убеждения и к собственным ограничениям в получении и оценке релевантной информации [25]. Выделяют две составляющих интеллектуальной скромности: а) понимание ограниченности (пределов) собственного знания и б) отсутствие интеллектуального высокомерия по отношению к альтернативным точкам зрения [27]. С позиций интегративного подхода Э. Крумрей-Манкузо и С. Роуза [24] интеллектуальная скромность включает в себя четыре аспекта: а) независимость интеллекта и эго, б) готовность к пересмотру своей точки зрения, в) уважение к точкам зрения других людей и г) отсутствие интеллектуальной самоуверенности. Таким образом, интеллектуальная скромность рассматривается одновременно как интраперсональный и интерперсональный конструкт.

Как интраперсональный конструкт интеллектуальная скромность проявляется в первую очередь в более точной оценке своих когнитивных возможностей [23]. Как интерперсональный конструкт интеллектуальная скромность ярко проявляется в конфликтных отношениях. Интеллектуальная скромность как самого человека, так и воспринимаемая интеллектуальная скромность представителя другой стороны в конфликтной ситуации являются предиктором прощения в столкновении на религиозной почве [38]. При обсуждении межрелигиозных противоречий интеллектуальная скромность является

предиктором доверия и близости к партнеру, придерживающемуся противоположных взглядов на вопросы, важные в религиозном контексте (например, возможность гомосексуальных браков) [29]. Интеллектуальная скромность снижает эффект воспринимаемой непохожести аутгруппы на предвзятости по отношению к ней [6]. Связь когнитивных способностей и поддержки свободы слова политических оппонентов опосредована интеллектуальной скромностью [17]. Респонденты с низким уровнем интеллектуальной скромности более склонны принижать интеллектуальные способности и негативно отзываться о моральном облике своих оппонентов, в меньшей степени готовы дружить с ними, в том числе «френдиться» в социальных сетях [34].

Таким образом, вклад интеллектуальной скромности в восприятие и отношение к аутгруппе достаточно очевиден. При этом в исследованиях радикализации напрямую интеллектуальная скромность не изучалась, несмотря на предположения исследователей о том, что она может быть важным конструктом для понимания природы экстремизма [34].

С теоретической точки зрения, на наш взгляд, возможный механизм вклада интеллектуальной скромности в радикализацию лежит в ее связи с потребностью в когнитивной завершенности. Исследователи отмечают, что как интеллектуальная скромность, так и низкая потребность в когнитивной завершенности являются компонентами непредубежденного (open-minded) мышления [23]. Исследований связи интеллектуальной скромности и потребности в когнитивной завершенности ранее не проводилось, однако известно, что она негативно связана со смежными конструктами: догматизмом [25] и интолерантностью к неопределенности [25; 26].

Мы предполагаем, что понимание ограниченности собственного знания (интеллектуальная скромность) с неизбежностью ведет человека к осознанию неопределенности и адаптации к ней. Так, например, интеллектуальная скромность способствует адаптации пожилых людей к информационно-коммуникационным технологиям [4]. Кроме того, показано, что интеллектуально скромные люди более эффективны в когнитивной обработке информации, противоречащей их убеждениям [7]. Находясь в неопределенной (например, культурно-разнообразной) среде, человек с высоким уровнем интеллектуальной скромности не старается защититься от нее в поиске порядка и предсказуемости (потребность в когнитивной завершенности), а меняется, понимая и принимая неопределенность как составную часть мироустройства [13]. Таким образом, интеллектуальная скромность неизбежно будет снижать потребность в когнитивной завершенности, обозначая, с одной стороны, принципиальную невозможность достижения предсказуемости и, с другой стороны, снижая дискомфорт от ситуации неопределенности.

В определенных аспектах интеллектуальная скромность может быть схожа по эффекту действия с низкой способностью достичь завершенности (Ability to Achieve Closure). Когда люди с высоким уровнем потребности в когнитивной завершенности ожидают, что им не удастся достичь определенности, они обрабатывают информацию менее схематично, используют менее стереотипные характеристики при формировании впечатления и применяют более сложные стратегии принятия решений [18]. Таким образом, ощущение низкой способности достичь когнитивной завершенности «блокирует» высокую в ней потребность, что под-

тверждается эмпирическими данными [19]. Однако, в отличие от способности достичь завершенности, интеллектуальная скромность представляет собой более широкий социокогнитивный конструкт, который, скорее всего, выступает предиктором потребности в когнитивной завершенности. Понимание ограниченности собственного знания неизбежно ведет к снижению потребности в когнитивной завершенности [23] и, как следствие, повышению поддержки радикальных взглядов.

Можно предположить, что интеллектуальная скромность связана с потребностью в когнитивной завершенности и, таким образом, соотносится с поддержкой радикальных взглядов. В связи с этим была сформулирована вторая гипотеза исследования.

Гипотеза 2. Негативная связь интеллектуальной скромности и поддержки радикальных взглядов будет опосредована потребностью в когнитивной завершенности.

Метод

Схема проведения исследования. Исследование проводилось в формате онлайн-опроса через сервис опросов «Анкетолог» в сети Интернет. Вначале участник отвечал на вопросы социодемографического характера (пол, возраст и пр.), а затем заполнял опросник на измерение потребности в когнитивной завершенности, методику измерения интеллектуальной скромности, потери значимости, а в завершение — опросник оценки поддержки радикального насилия.

Выборка исследования включала в себя 365 жителей России (78,5% — женщины, 21,5% — мужчины) в возрасте от 20 до 66 лет ($M=42.11$; $SD=11,62$). Боль-

шая часть выборки имеет высшее образование (94,1%), остальные — среднее или среднее специальное. 41,8% респондентов отнесли себя к христианам, 17,8% — к агностикам, 11,7% — к атеистам, 10,1% — к мусульманам, оставшиеся — к иным вероисповеданиям или предпочли пропустить данный пункт анкеты. 74% респондентов отнесли себя к русским, 6% — к евреям, 5% — к татарам, 11% — к иным национальностям, а 4% указали космополитическую идентичность («человек мира» и пр.).

Методики исследования

Потребность в когнитивной завершенности измерялась при помощи краткой версии шкалы потребности в когнитивной завершенности Д. Веббера и А. Крулгански [30], состоящей из 15 утверждений. Примеры вопросов: «Мне нравится неопределенность новых ситуаций, когда не знаешь, что может произойти» и «Мне не нравится, когда чье-то высказывание можно трактовать по-разному». Респондентам предлагалось оценить свое согласие с утверждениями от 1 — «полностью не согласен» до 5 — «полностью согласен». Русскоязычный вариант методики был использован впервые. Ее надежность шкал была проверена с помощью конфирматорного факторного анализа. Модель показала достаточное соответствие исходным данным с учетом теоретически обоснованных ковариаций между пунктами (см. Приложение, рис. 1): $\chi^2=118.389$; $df=74$; $\chi^2/df=1.600$; $GFI=.959$; $RMSEA=.041$; $TLI=.945$; $CFI=.961$; $SRMR=.044$. Здесь и далее при оценке соответствия мы руководствовались следующими критериями [14]: $GFI \geq .95$; $RMSEA \leq .06$; $TLI \geq .95$; $CFI \geq .95$; $SRMR \leq .06$.

Интеллектуальная скромность была измерена с помощью опросника М. Лири

и др. [25], состоящего из 6 утверждений. Примеры вопросов: «Я признаю, что мои убеждения и установки могут быть ошибочными» и «Перед лицом свидетельств, противоречащих моей точке зрения, я готов ее изменить». Респондентам предлагалось оценить свое согласие с утверждениями от 1 — «полностью не согласен» до 5 — «полностью согласен». Русскоязычный вариант методики был использован впервые. Ее надежность шкал была проверена с помощью конфирматорного факторного анализа. Модель показала достаточное соответствие исходным данным с учетом теоретически обоснованных ковариаций между пунктами (см. Приложение, рис. 2): $\chi^2=8.622$; $df=7$; $\chi^2/df=1.232$; $GFI=.992$; $RMSEA=.025$; $TLI=.990$; $CFI=.995$; $SRMR=.032$.

Потеря значимости была измерена с помощью шкалы, позволяющей оценить текущее ощущение унижения и стыда [35]. Респонденту предлагалось оценить, насколько часто он в последнее время сталкивается в своей жизни с такими переживаниями, как: унижение, стыд, неудовлетворенность собой, гордость (обратный вопрос), удовлетворенность собой (обратный вопрос). Оценка осуществлялась по 5-балльной шкале: от «очень редко» до «очень часто». Русскоязычный вариант методики был использован впервые. Ее надежность шкал была проверена с помощью конфирматорного факторного анализа. Модель показала достаточное соответствие исходным данным с учетом теоретически обоснованных ковариаций между пунктами (см. Приложение, рис. 3): $\chi^2=9.918$; $df=4$; $\chi^2/df=4.480$; $GFI=.970$; $RMSEA=.064$; $TLI=.934$; $CFI=.990$; $SRMR=.023$.

Опросник оценки поддержки радикального насилия состоит из 4 утверждений, позволяющих оценить установки человека по поводу допустимости насилия

в решении межнациональных противоречий и для защиты интересов ингруппы [1]. Примеры вопросов: «Насилие допустимо, если нарушается справедливость в отношении моего народа» и «Насилие допустимо, если нарушаются обычаи и традиции моего народа». Респондентам предлагалось оценить свое согласие с утверждениями от 1 — «полностью не согласен» до 5 — «полностью согласен».

Результаты

Описательная статистика, психометрические характеристики методик и корреляции между переменными (коэффициент Пирсона), которые вычислялись с помощью статистического пакета SPSS 23.0, представлены в таблице.

Проверка гипотез была осуществлена с помощью медиационного анализа, основанного на регрессиях, посредством использования надстройки PROCESS macro [11] к программе IBM SPSS 21.0. Предварительно все полученные данные были стандартизованы в соответствии с рекомендациями А. Хейза [11].

В рамках проверки первой гипотезы не было выявлено наличие значимой связи (total effect) между потерей значимости и поддержкой радикального насилия: $\beta=.11$ (95% CI [-.01, .22]), SE=.06,

$p=.08$. Прямая связь (direct effect) между потерей значимости и поддержкой радикального насилия также не обнаружена $\beta=.06$ (95% CI [-.04, .19]), SE=.06, $p=.24$. При этом потеря значимости напрямую позитивно связана с потребностью в когнитивной завершенности ($\beta=.12$ (95% CI [.03, .20]), SE=.04, $p\leq.01$), которая, в свою очередь, выступает как предиктор поддержки радикального насилия ($\beta=.31$ (95% CI [.17, .46]), SE=.07, $p\leq.0001$).

Далее, чтобы проверить значимость непрямого связи между потерей значимости и поддержкой радикального насилия (гипотеза 1), мы использовали функцию бутстрапа и рассчитали на базе 10000 повторных выборок (bootstrapped resamples) 95% доверительные интервалы. Так как «0» не попадает в доверительные интервалы, то мы можем сделать вывод о значимости непрямого связи потери личной значимости и поддержки радикальных взглядов, опосредованной потребностью в когнитивной завершенности: $\beta=.04$ (95% CI [.01, .07]), SE=.02.

В рамках проверки второй гипотезы было выявлено наличие значимой связи (total effect) между интеллектуальной скромностью и поддержкой радикального насилия: $\beta=-.16$ (95% CI [-.30, -.02]), SE=.07, $p\leq.05$. Прямая связь (direct effect) между интеллектуальной скромностью и поддержкой радикального насилия не

Т а б л и ц а
Описательные статистики и корреляции шкал исследования (N=365)

Шкалы исследования	М (SD)	Альфа Кронбаха	1	2	3
1. Потеря личной значимости	2.45 (.61)	.63	1		
2. Потребность в когнитивной завершенности	3.02 (.50)	.77	.15**	1	
3. Интеллектуальная скромность	4.11 (.51)	.71	.03	-.13*	1
4. Поддержка радикального насилия	.70 (.71)	.79	.08	.22**	-.11*

Примечание: * корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя); ** корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

обнаружена: $\beta = -.12$ (95% CI [-.26, .02]), $SE = .06$, $p = .24$. При этом интеллектуальная скромность негативно связана с потребностью в когнитивной завершенности ($\beta = -.12$ (95% CI [-.22, .02]), $SE = .05$, $p \leq .01$), которая, в свою очередь, выступает как предиктор поддержки радикального насилия ($\beta = .31$ (95% CI [.17, .46]), $SE = .07$, $p \leq .0001$).

Далее, чтобы проверить значимость не прямой связи между интеллектуальной скромностью и поддержкой радикального насилия (гипотеза 2), мы использовали функцию бутстрапа и рассчитали на базе 10000 повторных выборок (bootstrapped resamples) 95% доверительные интервалы. Так как «0» не попадает в доверительные интервалы, то мы можем сделать вывод о значимости не прямой связи интеллектуальной скромности и поддержки радикальных взглядов, опосредованной потребностью в когнитивной завершенности: $\beta = -.04$ (95% CI [-.08, -.01]), $SE = .02$.

Таким образом, потеря личной значимости находится в прямой связи с потребностью в когнитивной завершенности, а интеллектуальная скромность — в обратной. В свою очередь, потребность в когнитивной завершенности связана с одобрением респондентами радикальных взглядов. При этом следует отметить, что общий уровень поддержки радикального насилия в исследуемой выборке крайне низок — большая часть респондентов не согласна с тем, что насилие может быть допустимо в решении межнациональных противоречий и для защиты интересов ингруппы.

Обсуждение результатов

Первая гипотеза, направленная на проверку предположения о том, что

связь потери личной значимости и поддержки радикальных взглядов будет опосредована потребностью в когнитивной завершенности, подтвердилась. Как и в исследованиях, проведенных ранее в США, Шри-Ланке и на Филиппинах [35], на российской выборке подтверждено действие механизма радикализации, описанного в трехмерной модели Д. Веббера и А. Круглански [37]: потеря значимости — рост потребности в когнитивной завершенности как реакция на неопределенность — поддержка радикальной идеологии как способа снизить неопределенность. В целом более низкие, чем в указанных выше исследованиях, регрессионные коэффициенты, предположительно, связаны с тем, что большая часть российских респондентов крайне отрицательно отнеслась к поддержке радикальных взглядов. Имеющиеся различия относятся к степени их неприятия: от «полностью не согласен» до «не согласен». Также следует отметить, что потребность в когнитивной завершенности в изучаемой выборке находится на среднем уровне ($M = 3.02$ по шкале от 1 до 5), в отличие от относительно более высоких показателей в отчасти сходном исследовании мусульман США [3] ($M = 5.1$ по шкале от 1 до 7).

То, что потеря значимости лежит в основе вхождения в экстремистские группы, является центральным аспектом трехмерной модели радикализации. В исследовании почти 1,5 тыс. участников идеологически мотивированных криминальных действий было подтверждено, что большинство индикаторов потери значимости связаны с поддержкой политического насилия [15]. Разрыв между потребностью быть значимым и ее отсутствием представляет собой пространство неопределен-

ности и мотивирует на действия по ее снижению, повышая потребность в когнитивной завершенности [37]. Радикальные идеологии, составляющей частью которых является поддержка насилия в разрешении межрелигиозных и межнациональных противоречий, представляют себя их потребителю в качестве неопровержимой истины и четкого, эффективного решения всех вопросов [36]. Потребность в когнитивной завершенности также способствует возвеличению ингруппы (*ingroup glorificatio*) и поддержке крайних мер против своих врагов [8] и потому является «удобным» пространством для радикальной идеологии, редуцирующей неопределенность через конкретное обозначение «виновных» и направление действий, восстанавливающих значимость. С другой стороны, влияние, направленное на снижение поддержки радикальной идеологии, воспринимается человеком с высокой потребностью в когнитивной завершенности как пугающее, способное разрушить устойчивую картину мира и с высокой долей вероятности ведет к укреплению радикальных взглядов [3].

Вторая гипотеза о том, что связь интеллектуальной скромности и поддержки радикальных взглядов будет опосредована потребностью в когнитивной завершенности, также нашла подтверждение. Признание собственной ограниченности неизбежно связано с тем, что у человека вырабатывается привычка жить в неопределенном мире, не предпринимая при этом действий, нацеленных исключительно на редукцию неопределенности [25; 26]. Таким образом, интеллектуальная скромность связана с низкой выраженностью потребности в когнитивной завершенности. Экстремистская идеология, предлагающая быстрые и однозначные ответы на вопросы

«кто виноват» и «что делать», будет с недоверием восприниматься человеком с высоким уровнем интеллектуальной скромности по причине отсутствия у него уверенности в принципиальной возможности подобных ответов.

Можно предположить наличие еще одного объяснения показанной в исследовании связи. Личная интеллектуальная скромность ведет к большей вероятности высокой оценки уровня интеллектуальной скромности представителей аутгруппы [38]. Представление о том, что представители аутгрупп ощущают ограниченность своих оценок и могут принять альтернативные точки зрения, связана с меньшей вероятностью формирования однозначного к ним отношения, минимизируя способность достичь когнитивной завершенности [19] в ситуации межгруппового восприятия. Низкая способность достичь когнитивной завершенности, в свою очередь, связана с потребностью в когнитивной завершенности [18]. Низкая потребность в когнитивной завершенности будет находиться в диссонансе с идеей о наличии врага, однозначно «виноватого во всех бедах» ингруппы. Таким образом, люди с более высокой степенью интеллектуальной скромности, вероятно, будут менее подвержены влиянию радикальной идеологии по причине ее несовпадения с индивидуальными особенностями мировоззрения.

Заключение

Результаты нашего исследования показали, что связь потери личной значимости и поддержки радикальных взглядов, опосредованная потребностью в когнитивной завершенности, обнаруживается и на российской выборке. Мы

продемонстрировали наличие вклада интеллектуальной скромности в поддержку радикальных взглядов, также опосредованного потребностью в когнитивной завершенности. В целом исследование демонстрирует значимость так называемой «когнитивной уязвимости» в части поддержки экстремистской идеологии [28], которая исключительно важна для понимания личностных аспектов как радикализации, так и дерадикализации.

Серьезным ограничением исследования является то, что респонденты демонстрировали крайне низкий уровень поддержки радикального насилия. Несмотря на то, что экстремистские взгляды могут быть изучены и на материале нерадикальной части населения, однозначный перенос данных результатов на людей с высоким уровнем радикализма невозможен.

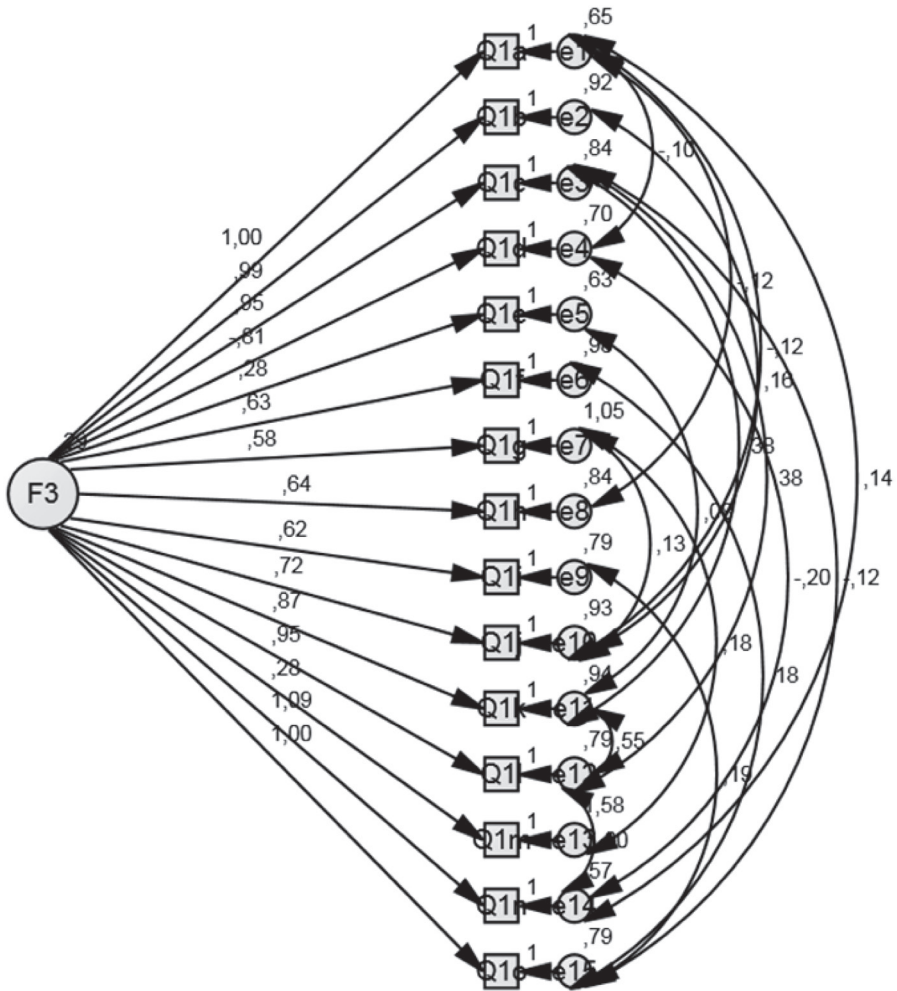
Также мы не использовали прямых измерений реальной вовлеченности в радикальные группы. Несмотря на то, что одобрение насилия в решении

межнациональных и межрелигиозных противоречий и для защиты интересов интруппы является значимой составляющей экстремистского мышления [32], только на основании данных показателей нельзя однозначно судить о степени радикализации.

Важным ограничением исследования является его корреляционный характер, не позволяющий делать выводы о каузальных связях. Таким образом, выражения в дискуссионной части статьи, имеющие отношение к причинно-следственной связи, являются предположениями, которые необходимо проверять в экспериментальных исследованиях.

Кроме того, респонденты представляют собой преимущественно женщин, русских с высшим образованием, из которых значительная часть относит себя к христианам. Такая выборка является существенным ограничением исследования, результаты которого не могут быть однозначно распространены на иные выборки.

Путевые диаграммы по результатам конфирматорного факторного анализа



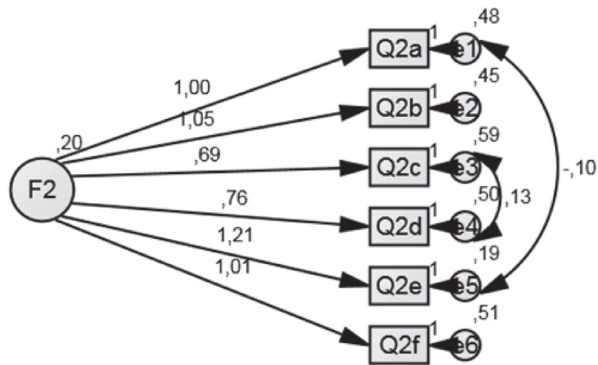


Рис. 2. Интеллектуальная скромность

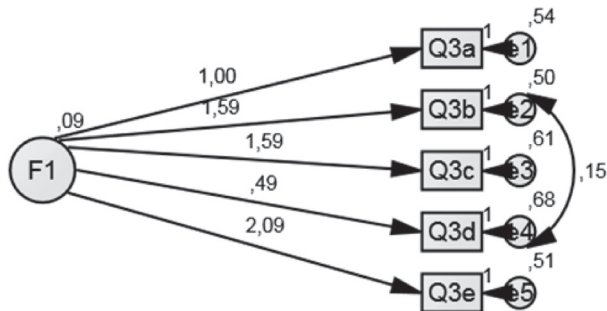


Рис. 3. Потеря значимости

Литература/References

1. Кузнецов И.М., Хухлаев О.Е. Социально-психологический мониторинг рисков межнациональной конфликтности: методология и практика // Социальная психология и общество. 2013. Том 4. № 1. С. 104–113.
Kuznetsov I.M., Khukhlaev O.E. Sotsial'no-psikhologicheskii monitoring riskov mezhnatsional'noi konfliktnosti: metodologiya i praktika [Social Psychological Monitoring of Interethnic Conflicts Methodology and Practice]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2013. Vol. 4, no. 1, pp. 104–113. (In Russ.).
2. Bélanger J.J. et al. Radicalization leading to violence: A test of the 3N model // *Frontiers in Psychiatry*. 2019. Vol. 10. No. FEB. P. 1–12.
3. Bélanger J.J. et al. Do Counter-Narratives Reduce Support for ISIS? Yes, but Not for Their Target Audience // *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 11. No. June. P. 1–11.
4. Bernabé-Valero G. et al. The moderating role of intellectual humility in the adoption of ICT: A study across life-span // *Frontiers in Psychology*. 2018. Vol. 9. No. Dec. P. 1–6.
5. Brienza J.P., Chao M.M. Wise reasoning, intergroup positivity, and attitude polarization across contexts // *Nature Communications*. 2021. P. 1–11.
6. Colombo M. et al. Intellectually Humble, but Prejudiced People. A Paradox of Intellectual Virtue // *Review of Philosophy and Psychology*. 2020.
7. Deffler S.A., Leary M.R., Hoyle R.H. Knowing what you know: Intellectual humility and judgments of recognition memory // *Personality and Individual Differences*. 2016. Vol. 96. P. 255–259.

8. *Dugas M. et al.* Group-centric attitudes mediate the relationship between need for closure and intergroup hostility // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2018. Vol. 21. No. 8. P. 1155–1171.
9. *Federico C.M., Hunt C.V., Fisher E.L.* Uncertainty and Status-Based Asymmetries in the Distinction Between the «Good» Us and the «Bad» Them: Evidence That Group Status Strengthens the Relationship Between the Need for Cognitive Closure and Extremity in Intergroup Differentiation // *Journal of Social Issues*. 2013. Vol. 69. No. 3. P. 473–494. DOI:10.1111/josi.12025
10. *Gómez Á. et al.* Why People Enter and Embrace Violent Groups // *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 11. No. January. DOI:10.3389/fpsyg.2020.614657
11. *Hayes A.F.* Introduction to Mediation, Moderation, and Conditional Process Analysis. NY, US: Guilford Press, 2018. 692 p.
12. *Hogg M.A., Kruglanski A., Bos K. van Den.* Uncertainty and the Roots of Extremism // *Journal of Social Issues*. 2013. Vol. 69. No. 3. P. 407–418.
13. *Hook J.N. et al.* Intellectual humility and religious tolerance // *The Journal of Positive Psychology*. 2017. Vol. 12. No. 1. P. 29–35. DOI:10.1080/17439760.2016.1167937
14. *Hu L.-T., Bentler P.M.* Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: conventional criteria versus new alternatives // *Structural Equation Modeling: A Multidisciplinary Journal*. 1999. Vol. 6. No. July 2012. P. 1–55. DOI:10.1080/10705519909540118
15. *Jasko K., LaFree G., Kruglanski A.* Quest for Significance and Violent Extremism: The Case of Domestic Radicalization // *Political Psychology*. 2017. Vol. 38. No. 5. P. 815–831.
16. *Jost J.T. et al.* Political Conservatism as Motivated Social Cognition // *Psychol Bull.* 2003. Vol. 129. No. 3. P. 339–375. DOI:10.1037/0033-2909.129.3.339
17. *Keersmaecker J. De et al.* Disliked but Free to Speak: Cognitive Ability Is Related to Supporting Freedom of Speech for Groups Across the Ideological Spectrum // *Social Psychological and Personality Science*. 2021. Vol. 12. No. 1. P. 34–41.
18. *Kossowska M. et al.* Disparate roads to certainty processing strategy choices under need for closure // *European Review of Social Psychology*. 2018. Vol. 29. No. 1. P. 161–211.
19. *Kossowska M., Dragon P., Bukowski M.* When need for closure leads to positive attitudes towards a negatively stereotyped outgroup // *Motivation and Emotion*. 2014. Vol. 39. No. 1. P. 88–98. DOI:10.1007/s11031-014-9414-5
20. *Kruglanski A. et al.* The making of violent extremists // *Review of General Psychology*. 2018a. Vol. 22. No. 1. P. 107–120.
21. *Kruglanski A.W. et al.* To the fringe and back: Violent extremism and the psychology of deviance // *American Psychologist*. 2017. Vol. 72. No. 3. P. 217–230.
22. *Kruglanski A.W., Bélanger J.J., Gumaratna R.* The Three Pillars of Radicalization // *The Three Pillars of Radicalization*. 2019. DOI:10.1093/oso/9780190851125.001.0001
23. *Krumrei-Mancuso E.J. et al.* Links between intellectual humility and acquiring knowledge // *The Journal of Positive Psychology*. 2020. Vol. 15. No. 2. P. 155–170. DOI:10.1080/17439760.2019.1579359
24. *Krumrei-Mancuso E.J., Rouse S.V.* The development and validation of the comprehensive intellectual humility scale // *Journal of Personality Assessment*. 2016. Vol. 98. No. 2. P. 209–221.
25. *Leary M.R. et al.* Cognitive and Interpersonal Features of Intellectual Humility // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2017. Vol. 43. No. 6. P. 793–813.
26. *Marriott R.J., Hall M.E.L., Decker L.A.* Psychological correlates of reasons for nonbelief: tolerance of ambiguity, intellectual humility, and attachment // *Mental Health, Religion and Culture*. 2019. P. 1–20.
27. *McElroy S.E. et al.* Intellectual Humility: Scale Development and Theoretical Elaborations in the Context of Religious Leadership // *Journal of Psychology and Theology*. 2014. Vol. 42. No. 1. P. 19–30.
28. *Ozer S., Bertelsen P.* Countering radicalization: An empirical examination from a life psychological perspective // *Peace and Conflict Journal of Peace Psychology*. 2019. Vol. 25. No. 3. P. 211–225.

29. *Rodriguez D. et al.* Religious intellectual humility, attitude change, and closeness following religious disagreement // *The Journal of Positive Psychology*. 2019. Vol. 14. No. 2. P. 133–140.
30. *Roets A., Hiel A. Van.* Allport's prejudiced personality today: Need for closure as the motivated cognitive basis of prejudice // *Current Directions in Psychological Science*. 2011. Vol. 20. No. 6. P. 349–354.
31. *Roets A., Hiel A. Van.* Item selection and validation of a brief, 15-item version of the Need for Closure Scale // *Personality and Individual Differences*. 2011. Vol. 50. No. 1. P. 90–94.
32. *Stankov L.* From social conservatism and authoritarian populism to militant right-wing extremism // *Personality and Individual Differences*. 2021. Vol. 175. No. January. P. 110733.
33. *Stankov L., Saucier G., Knežević G.* Militant Extremist Mind-Set: Provocence, Vile World, and Divine Power // *Psychological Assessment*. 2010. Vol. 22. No. 1. P. 70–86.
34. *Stanley M.L., Sinclair A.H., Seli P.* Intellectual humility and perceptions of political opponents // *Journal of Personality*. 2020. Vol. 88. No. 6. P. 1196–1216.
35. *Webber D. et al.* The road to extremism: Field and experimental evidence that significance loss-induced need for closure fosters radicalization // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2018. Vol. 114. No. 2. P. 270–285.
36. *Webber D. et al.* Ideologies that justify political violence // *Current Opinion in Behavioral Sciences*. 2020. Vol. 34. No. February. P. 107–111.
37. *Webber D., Kruglanski A.W.* Psychological Factors in Radicalization: A «3 N» Approach // *The Handbook of the Criminology of Terrorism*. 2017. No. 1. P. 33–46.
38. *Zhang H. et al.* Intellectual Humility and Forgiveness of Religious Conflict // *Journal of Psychology and Theology*. 2015. Vol. 43. No. 4. P. 255–262.
39. *Zmigrod L. et al.* The psychological roots of intellectual humility: The role of intelligence and cognitive flexibility // *Personality and Individual Differences*. 2019. Vol. 141. No. September 2018. P. 200–208.
40. *Zmigrod L.* The role of cognitive rigidity in political ideologies: theory, evidence, and future directions // *Current Opinion in Behavioral Sciences*. 2020. Vol. 34. P. 34–39.
41. *Zmigrod L., Rentfrow P.J., Robbins T.W.* Cognitive inflexibility predicts extremist attitudes // *Frontiers in Psychology*. 2019. Vol. 10. No. MAY. P. 1–13.

Информация об авторах

Хухлаев Олег Евгеньевич, кандидат психологических наук, заведующий кафедрой этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4620-9534>, e-mail: huhlaevoe@mgppu.ru

Павлова Ольга Сергеевна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования факультета социальной психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9702-1550>, e-mail: pavlovaos@mgppu.ru

Information about the authors

Oleg E. Khukhlaev, PhD in Psychology, Head of the Department of Cross-cultural Psychology and Multicultural Education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4620-9534>, e-mail: huhlaevoe@mgppu.ru

Olga S. Pavlova, PhD in Pedagogy, Associate Professor of the Department of Cross-culture Psychology and Psychological Problems in Multicultural Education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9702-1550>, e-mail: pavlovaos@mgppu.ru

Получена 21.06.2021

Received 21.06.2021

Принята в печать 20.08.2021

Accepted 20.08.2021